

УДК 1.147

С.В. Синяков¹,
Е.Ф. Сластенко²**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ**¹Национальный транспортный университет²Национальный авиационный университет

Аннотация. Авторы анализируют зависимость познавательных средств от особенностей предметного поля исследования в экономической науке. Раскрывается влияние философии, социологии, культурологии и других наук на процесс изучения экономических явлений и процессов. Обосновывается воздействие изменившихся представлений о природе экономических объектов на формирование системы экономического знания.

Ключевые слова: философия хозяйства, идеология, универсалии культуры, культурная детерминация познания, свобода, субъективность.

Вступление

Проблема специфики, места и границ экономического познания далеко выходит за рамки академического интереса и совпадает с острыми социально-экономическими и финансовыми противоречиями современной эпохи. Она вызвана глобальными масштабами общественных потрясений в начале XXI века, когда особенно серьезно стал вопрос о возможностях и перспективах использования познавательных результатов, о подлинности и ценности полученных экономических знаний. В этих условиях ценностным принципом познавательной деятельности становится научное знание, способное воплощаться в экономических реалиях, быть эффективным и достоянием, антропологически ориентированным и полезным. Эпистемологические возможности экономического познания увеличивает, характерная для эпохи глобализации, тенденция универсализации видов и форм хозяйственной деятельности. Причем речь идет не только о ценности полученных научных результатов, которая действительно возрастает в ходе ускорения развития мировой экономики, но и о связанном с этим процессом способом перераспределения ресурсов и богатств.

Постановка задачи

В статье предпринимается попытка обосновать необходимость определенной коррекции теоретико-методологических принципов исследования экономической сферы жизни общества. Основное внимание уделяется вопросам соответствия познавательных средств новым представлениям о природе экономических явлений.

Основная часть

Различные социальные науки изучают части единого целого, а именно человеческой деятельности. Эти части не всегда достаточно отчетливо определены и разграничены. Вследствие этой общности предмета социальные науки нередко проявляют желание к интеграции, вторгаясь в смежные области, и отношения между этими науками могут складываться под знаком солидарности. В отличие от естествознания, где данные отраслевых наук в какой-то мере сводятся философией науки, среди социальных наук нет обобщающей дисциплины, функция которой заключалась бы в синтезировании достигнутых результатов, и каждая из наук опасается попасть в подчинение другой. Говоря о социальных науках, можно сравнить их с картиной, на которую каждый исследователь смотрит по-своему,

хорошо видит картину в целом, но проявляет особое внимание только к одному из ее аспектов. Когда же речь заходит о том, чтобы заглянуть в глубину, то ученый руководствуется собственными критериями, предлагает свое решение. А между тем потребностью является синтез который следует искать как на уровне совместных исследований, так и на уровне концептуальных выводов.

В настоящее время потребность если не в единстве, то в сотрудничестве явно ощутима и вопреки профессиональной и университетской обособленности, раздробленности межнаучные контакты и исследования становятся все более частым явлением. Например, экономическая наука должна рассматривать человеческую деятельность и производимые ею изменения как вызываемые не только экономическими, но и психологическими, культурологическими, социально-идеологическими причинами.

Допуская возможность изучения действий людей научным способом, то есть в объективном аспекте, следует однако признать, что этот объект обладает некоторыми особенностями, которые необходимо принимать во внимание. В то время как естественные науки имеют дело с явлениями, которые в одинаковых условиях идентично воспроизводятся, социальные науки изучают факты которые никогда не повторяются в том же самом виде. Отсюда трудность обобщения и необходимость принимать во внимание наряду с общими социальными фактами также конкретные особенности. Наконец, социальные факты, проявляясь чаще всего в социальных актах, действиях, поведении, в то же время выражают коллективные эмоции, чувства и представления. Поведение человека как существа общественного в большей мере связано с коллективным сознанием, чем поведение его как индивида связано с индивидуальным сознанием. Современная экономическая наука в значительной своей части должна являться социологией, культурологией и психологией, разумеется, особого экономического плана. Действия, поведение могут иметь различные значения, и, чтобы понять это, одного только наблюдения и описания оказывается недостаточно. Простое наблюдение за фактом интересно, но оно ещё не способно дать нам понимание побудительных мотивов.

Европейская научная мысль более ста лет занималась разработкой проблем социальной эпистемологии, гносеологии и методологии социальных наук и безусловно достигла больших результатов. Однако она натолкнулась на серьезные препятст-

вия, которые диктовались сложностью социальных объектов, мировоззренческим и концептуальным плюрализмом ученых, различными идеалами и нормами научного исследования. Социальные утопии и общественные идеалы, программы переустройства общества, ставшие или ещё не ставшие господствующей идеологией, также играли своеобразную роль. Разрабатываемые в сфере философских и религиозно-этических учений определенные нравственные, мировоззренческие принципы, моральные и социально-политические презумпции не могли не оказать влияния на методологию исследования. Социальная динамика индустриально развитых стран определяла содержание картины социума. Вершина развития теоретических социальных наук приходится на вторую половину XIX – первую половину XX ст., когда в трудах выдающихся ученых (Эмиль Дюркгейм, Вернер Зомбарт, Карл Маркс, Макс Вебер, Питирим Сорокин и др.) были созданы концептуальные схемы описания человеческой деятельности, в том числе экономического поведения рациональных индивидов. Основоположник европейской социологии и позитивизма – Э.Дюркгейм (1858-1917) – одним из первых поставил вопрос о глубинных социокультурных факторах, обуславливающих взаимодействие людей. Он предпринял анализ социальной жизни с учетом влияния важных культурных компонентов: высших моральных принципов, общечеловеческих ценностей, универсальных религиозных идеалов. Особенно большое внимание французский ученый уделял изучению религиозных факторов общественной жизни, функционирование которых стабилизирует общество. Придавая религиозным мотивам существенное значение, он показал их роль в создании ценностно-нормативной базы содержания социальных связей и отношений [1, с. 256 – 309]. Другой известный исследователь – М.Вебер (1864-1929) – изучал механизмы связи религиозно-культурных установок с образом жизни, хозяйственной деятельностью, трудом. По его убеждению, протестантская религиозная этика как новая хозяйственная идеология, придавшая доминирующее значение рационально организованной и нацеленной на увеличение богатств мирской деятельности человека, заложила основы экономики капитализма и сыграла выдающуюся роль в формировании нового типа личности [2, с. 136-208]. Каким же образом осуществлялась взаимосвязь между религиозно-мировоззренческими идеями, с помощью которых осознается смысл мира и человеческого существования, и практическими жизненными интересами, которые преследует каждый человек? На основе анализа огромного материала высоко развитых форм религиозной жизни М.Вебер методом эмпирического наблюдения и сравнения исследовал, где и при каких условиях среди каких социальных групп в религиозных учениях преобладают «религиозно-культульное начало» или «мистикосозерцательное» или «аскетически-деятельное» или «интеллектуально догматическое». В каждом из этих способов отношения к миру «уже заключен как в зародыше соответствующий образ и стиль жизни людей» [3, с. 34]. Такое мироотношение обуславливает соответ-

ствующий тип рациональности, который в свою очередь задает общее направление и темп последующей рационализации – как в пределах картины мира, так и в нем самом. В качестве исторической иллюстрации можно вспомнить эпоху Возрождения, Реформацию Лютера и Кальвина или философию экономического либерализма XVII – XVIII вв. Культурные феномены, организованные в целостную систему и образуя программы социально-экономической деятельности, заложили основы развития на много лет вперед. Несколько позднее немецкий ученый К.Манхейм (1893-1947) продолжил разработку данной проблематики. Отвергая натуралистические установки и методологические принципы позитивизма в социальной гносеологии, он проявил интерес к изучению социальных феноменов в контексте развития культуры и образования. При помощи созданной концепции культурологической методологии, К. Манхейм выделил так называемые «культурно-исторические» эпохи на основе наличия в них «жизненных детерминант», определяющих их общий стиль, господствующие идеалы и нормы мышления. Современная эпоха, по мнению социолога, свидетельствует об исчезновении единого интеллектуального мира, связанного общими социальными и культурными ценностями. Современный мир сформировался как противоречивый мир частных интересов и различных стилей мышления, получивших отражение в разных мировоззрениях и социально-философских концепциях [4, с. 277-412]. Сам К. Манхейм сконцентрировался на исследовании места и роли идеологий в жизни общества, выявляя при этом «партикулярные» и «тотальные» идеологии. Если первые выражают интересы отдельных социальных групп, классов, сообществ, их специфические цели и потребности, то вторые вырабатываются всей социальной системой и удерживаются при помощи культуры. Партикулярные идеологии создаются на основе отбора нужных информационных источников и представляют собой сознательное или неосознанное искажение действительности. Для правильного их понимания требуется изучить психологические механизмы коллективных действий и представления разных социальных и национальных групп. Тотальные идеологии синтезируют и презентуют целостное видение мира; они обеспечиваются соответствующим категориальным аппаратом и способами мышления (мифологическим, религиозным, рационально-аналитическим и др.) [4, с. 7-276]. Методология К.Манхейма позволяет исследовать проблемы общества переходного типа. Например, кризис системы традиционных ценностей в странах СНГ при отсутствии общекультурной доминанты развития развалил идеологический баланс. Поэтому противостоять полной ценностной дезинтеграции и в то же время не впасть в другую крайность – обеспечение интеграции ценностей через их тотальную регламентацию (как это делалось авторитарным режимом) – можно лишь на основе внедрения социальных технологий, направленных на поддержание достаточного уровня критического сознания интеллигенции. Выполнение этой задачи предполагает осуществление организационных мер для реа-

лизации образовательных и просветительных усилий новых демократических институтов гражданского общества. Таким способом социальная среда проникает в идеологические структуры, отражается в социальной динамике, и последующей задачей исследования будет выяснение “когда и где социальные структуры начинают выражать себя в структуре утверждений и в каком смысле первые конкретно определяют последние” [5, с.7]. Питирим Сорокин (1889-1968), исследуя социальное взаимодействие, приходит к выводу, что общество продуцирует нормы, ценности, значения, циркулирующие между социально сознательными индивидами. Общество понимается им только через систему ценностей, господствующих на том или ином этапе его развития. С помощью специальных эмпирических исследований культурных характеристик общества им выделяются близкие по значению культурные образы, виды деятельности, формы творческой активности [6, с. 373-398]. Однако сами эти образцы могут закрепиться в схемах взаимодействия лишь потому, что они являются продуктами логико-значимых культурных систем или “идеальными типами” в веберовском понимании этой конструкции. По убеждению П. Сорокина, культура становится интегральной только тогда, когда общество добивается социального и экономического успеха, сосредоточивая энергию людей на основе фундаментальных человеческих ценностей – истине, красоте, доброте, пользе. Важнейшей причиной социокультурных изменений становится кризис и дальнейший распад доминирующей в обществе культурной сверхсистемы. Чтобы выяснить как и почему происходят рождение, становление, эволюция и кризис общественных систем, необходимо вскрыть культурные изменения эпохи [6, с. 425-500].

Как мы видим, постижение основных механизмов функционирования культуры в социальном и экономическом процессах рассматривались в классической научной мысли как главная задача и ключ к пониманию человека и общества. Осмысление общественного развития позволяет выйти на современное понимание места и функций культурных механизмов в экономической деятельности людей. Такое методологическое решение было предложено в работах конца 90-х гг. XX ст., когда некоторые авторы попытались найти универсальные понятия, выражающие предельные основания каждой исторически определенной культуры. По их мнению, системообразующим фактором могут выступать “универсалии культуры”, которые будучи категориями культуры, в своей целостности, взаимодействии и сцеплении формируют обобщенный образ, картину социума [7]. Как мировоззренческие понятия эти универсалии культуры накапливают и сохраняют социальный опыт, создают определенную систему, при помощи которой человек определенной эпохи, цивилизации осмысливает и переживает мир, усваивает и интегрирует все многообразные явления, факты, процессы, попадающие в сферу его индивидуального опыта.

Мир вошел в эпоху глубокой трансформации как цивилизационных, так и экономических отношений. Вызванная рыночными силами экономическая гло-

бализация сама по себе не обеспечивает справедливости, социального прогресса, устранения неравенства, а скорее наоборот усиливает эти тенденции. Отсюда в полный рост встает проблема формирования новой системы социально-культурной архитектуры и реформирования регулирующих ее механизмов через изучение ценностно-нормативных и мировоззренческих аспектов деятельности людей. Для решения этой задачи необходимо выработать новую идеологию, которая бы включала в себя комплекс ценностей норм и установок, обеспечивающих в совокупности общекультурную задачу, объединяющую большинство людей. Эта проблематика нашла свое отражение в научной литературе последних лет.

Так, современный западный экономист П. Козловски считает перспективным и необходимым включение в основные структуры рыночной экономики (частное распоряжение средствами производства, рыночно-ценовой механизм как средство координации и максимизации дохода и пользы как существенной мотивации хозяйствующих субъектов) социально моральной компоненты, свободы и субъективности. В книге “Этика капитализма” он раскрывает идею помещения капитализма в политические и социальные рамки, которые компенсируют его недостатки как социального строя.

Стремление к соединению гуманитарного, человеческого и экономического присутствует в отечественной литературе, как в методологии, так и в конкретно – экономическом анализе. В работах, посвященных проблемам мировой финансовой системы, все больше значения придается внеэкономическим, культурно-цивилизационным причинам экономического кризиса [9, с. 8-100], а также гуманитарным аспектам управляемости банковской сферой, моральным и юридическим ограничениям спекулятивных операций, борьбы с финансовыми пирамидами [10, с. 57-73]. В своем новом проекте А.В.Бузгалин предлагает уйти от старой дилеммы рыночной экономики: “больше справедливости – меньше эффективности, больше эффективности – меньше справедливости” и сформулировать новую гуманитарную и гуманную систему, в которой “справедливость будет стимулировать эффективность экономики” [11, с. 87]. В ряде исследований, где внимание авторов переключается с мирового кризиса на кризис экономической науки, предпринимается попытка обобщить и квалифицировать причины, характерные черты застоя, переживаемого экономической наукой и найти пути выхода из такой ситуации. Лидер современного циклизма Ю.В.Яковец утверждает, например, что окончание века индустриальной научной парадигмы является предвестником очередной научной революции, новой картины мира, адекватной условиям постиндустриального общества XXI в. По его мнению, в настоящее время разворачивается “Великая научная революция – третья в истории цивилизации” [12, с. 172]. В.В.Смирнов сосредоточивает внимание на изучении методологического аппарата экономической науки и видит решение проблемы в улучшении методологической стороны экономической теории – в совершенствовании “системы опре-

деленных базовых категорий, характеризующих ее как науку, таких как полезность, ценность, стоимость, цена товара в их объективной количественной взаимосвязи" [13, с. 22]. Некоторые специалисты в области методологии и эпистемологии стремятся решить проблему путем внесения новых смыслов в старые абстрактно-схоластические посылки. Новизна такого подхода состоит в малопонятной попытке описать экономическое познание в терминах "негативизации", "снятия противоположностей". Причем сам процесс негативизации экономического познания понимается в смысле "получения описания (изображений) объекта в некоторых дополнительных определениях или даже неприсущих ему определениях с последующим восстановлением общих представлений об объекте или построении его образа (модели)" [14, с. 130-131]. Отдавая должное описанным способам улучшения теоретико-методологического аппарата экономической науки, представляется малоэффективным лишь переосмысление содержания отдельных, хотя и важных категорий экономического исследования.

Самокритика и самоанализ являются важнейшей стороной любой формы знаний, в том числе достижением экономической науки. Представляется необходимой философская рефлексия над ее познавательными результатами соответственно существующим нормам и правилам принятия утверждений, сформированных в научном сообществе. Но такую специфическую форму как рефлексия, связанную с конституированием определенных представлений об объекте и категориальном аппарате, нельзя абсолютизировать, поскольку она не исчерпывает всех форм оценки познавательного результата. С одной стороны, существует чрезвычайно насущная необходимость в высокой, диалектической познавательной культуре, с другой – в высоком уровне креативности. Это обстоятельство создает проблему «предельных» инноваций в экономическом познании, их итогового научного смысла.

Изменение представлений о природе экономических явлений предполагает внесение определенных коррекций в традиционные познавательные принципы исследования, использование широкого междисциплинарного синтеза, привлечения новых способов изучения поведения экономических субъектов. Но здесь существует опасность – указанные инновации могут поставить экономическую науку в положение «потери» предмета своего исследования. Поэтому нельзя не согласиться с мнением, согласно которому необходимость пересмотра догматических представлений, ложных иллюзий, мифов, заблуждений не должно позволить экономическому знанию раствориться в пестрой палитре других общественных наук. «Наука стала массовой профессией, отмечает Ф.И.Гиренок, – и ученый перестал чем-либо отличаться от обычного клерка...» [15, с. 172]. В таком случае что-то нужно сделать, чтобы не допустить ситуации, когда наука превращается в ремесло или «бизнес», пространство доминирования менеджера, а не мыслителя», чтобы она не стала таким способом мышления, в котором «на место сознания встал язык» [15, с. 172]. Выход следует искать в анализе субъекта познания, как ключевого элемента теории и

методологии и последствий привнесения им известной субъективности, мировоззренческого, идеологического компонентов.

Действительно, в научном исследовании субъективность выступает необходимым условием актуализации познания, тем не менее, нельзя допустить ситуации, чтобы субъективность доминировала над объективностью. Чрезвычайное расширение категориального, методологического аппарата экономической науки, привлечение новых познавательных средств без учета специфики предмета может привести к тому, что «методология окажется субъективной и тем самым заблокирует пути к познанию» [16, с. 184]. При избранном курсе рассмотрения особенно важно избежать опасности соскользнуть в субъективизм, подменяя объективно существующее содержание, аксиологическими или какими-либо иными субъективно-предвзятыми предпосылками.

Экономическая наука, как и все другие общественные науки, всецело относится к сознанию, идеологии, системе ценностей и идеалов, которых придерживаются те или иные социальные группы. Известно, что экономическое познание чрезвычайно отягощено всевозможными подразумеваемыми предпочтениями и престижными оценками, ходячими житейскими представлениями. Но мы не имеем права заранее окрашивать предмет в необходимые нам цвета, подменяя действительно научные выводы социально престижной оценкой. Любое идеологическое вмешательство в процесс научного исследования очень пагубно сказывается на результатах познания. Идеологизация социальной науки всегда ограничивает исследование, ставит на первое место не отражение объекта, а выражение текущих интересов отдельных общественных групп «в ущерб текущим интересам других групп и будущих перспективных интересов всего общества» [13, с. 22]. Естественно групповые интересы выдаются за интересы всего общества, а сама идеологизированная теория в определенных политических условиях может монополизировать научное знание. В противовес этому следовало бы отказаться от каких-бы то ни было идеологических предпочтений и оценок и расчистить от них поле научного исследования. Но не нужно смешивать политическую идеологию с идеологией в широком смысле слова – как совокупность идей, содержание сознание, идеальными мирами.

Люди в экономике никогда не были только экономическими субъектами. Человек, – пишет Ю.М. Осипов, – есть «гуманитарная реальность» и все общественное знание сконцентрировано в конечном счете на изучении сознания субъектов – «метафизического поля людей». Любой экономический субъект есть еще и социокультурный феномен – в нем происходит соединение эмпирического и метафизического. В свете сказанного очертим те характеристики экономического познания, которые позволяют проследить специфику субъективно-объективных отношений, что позволит лучше уразуметь субъекта как решателя познавательных задач. Если взять за основу тезис о том, что экономика – деятельность людей на основе сознательных намерений и целей, а человек представляет собой идеальную

реальность, то пришло время расширить горизонты теории и методологии экономической науки. Необходимо включить в нее методы, позволяющие понять и объяснить глубинные мотивы, идеалы и ценности, побуждающие людей к действию, и таким образом реконструировать экономическую систему, складывающуюся из хозяйственного взаимодействия индивидов, различных моделей поведения экономических субъектов.

Идеальные, субъективные факторы выступают в качестве своего рода глубинных программ всего многообразия конкретных форм и видов экономического поведения и хозяйственной деятельности, предопределяют, сцепление, воспроизводство и вариации экономических форм, характерных для определенного типа социальной организации. Такое понимание места и функций идеальных механизмов является ключом к осмыслению и объяснению экономических процессов и явлений, в том числе влияния этноэкономических факторов на формы экономического прогресса. Несмотря на существование в экономической идеологии всеобщего содержания, характерного для различных форм экономического сознания, – последнее всегда национально и этнически окрашено, функционируют вместе со специфическими смыслами, присущими общественному сознанию исторически определенного типа общества. Каждая национальная культура обладает своей системой ценностей, специфическими формами хозяйствования и экономического поведения, способами хранения и передачи социального и экономического опыта, своим пониманием добра и зла, норм и правил хозяйственной деятельности, своим отношением к природе, труду, времени, пространству, личности. Это обстоятельство характерно даже для близких, родственных культур, например, белорусской, русской, украинской, а не таких далеких, какими являются индийская, французская, китайская, голландская и т. д. Человек, выросший и сформированный в определенной культуре, не задумывается о смыслах и значениях ее основных понятий, принимая их как нечто само собой разумеющееся, как принципы, в соответствии с которыми осуществляется его хозяйственную деятельность. И только философско-культурологический анализ показывает, что метафизические смыслы, образующие в своей совокупности мировоззренческую картину мира, проявляются во всех сферах жизнедеятельности людей того или иного исторического типа – в политике, религии, искусстве и экономике. Поэтому любой человек в качестве экономического субъекта является творением культуры и становится таковым благодаря усвоению заданного в культуре метафизического смысла и социального опыта. На основе полученных метафизических программ человек способен к инновациям – изобретению новых идей, норм, образцов, которые включаются в реальную жизнь, обогащают ее содержание и программируют деятельность других людей. «Новый человек – новое знание, а новое знание – новый человек» [17, с. 8], – отмечает Ю.М.Осипов. В эпоху небывалой виртуализации общества и финансов, тотальной информатизации жизни во всех её сферах стало необходимым осмысление этих явлений в новой научной форме, кото-

рая преодолела бы, с одной стороны, познавательную ограниченность только экономического исследования хозяйственных процессов, с другой стороны, спекулятивность философского метода познания. Новая теоретическая концепция по своей природе должна быть не только рефлексией над хозяйством, его смыслом, задачами и структурой, она должна выполнять гносеологическую функцию – критически анализировать существующее экономическое знание, что создает необходимые условия для переосмысления принципов и понятийного аппарата экономической науки в целом. Если экономическую теорию, учитывая ее дедуктивную направленность, можно расценивать как идеологическую форму, конструирующую определенную экономическую картину мира, то философскую теорию хозяйства можно считать более фундаментальным видом знаний. Это позволяет сделать шаг вперед по сравнению с тем, что было ранее, повысить уровень культуры и эффективности экономических исследований. В экономике есть не только закономерность и упорядоченность, но наблюдается случайность и хаос. Люди нередко в экстремальных ситуациях пренебрегают институциональными требованиями, игнорируют законы и действуют свободно и целенаправленно, используя образ мышления, опыт поведения других людей в подобных ситуациях. Экономика, если ей занимаются свободные и активные люди, а институты не препятствуют их деловой конструктивной активности, способна вести себя как самоорганизующаяся система.

Теория хозяйства, наряду с современной институциональной теорией, являются наиболее перспективными познавательными конструкциями для изучения экономического сознания и поведения хозяйствующих субъектов. Очень важной особенностью теории хозяйства есть то, что она, будучи философской рефлексией по своему характеру и абстрактной по своей природе, лишена всякой спекулятивности, схематичности, догматизма, избыточной дедуктивной рациональности. Она способна учесть все особенности своего объекта – хозяйства. «Философия хозяйства есть не столько философия на предмет, сколько философия из предмета, ибо хозяйство – это действующее, производящее, говорящее о себе...» [17, с. 9]. Экономика – это способ взгляда на те же явления, которые возможно изучаются другими общественными и естественными науками, поэтому альтернативный подход к анализу различных социальных и хозяйственных феноменов представляется востребованным и эффективным. Теория хозяйства способна проникать в сущность, видеть малое и большое в том случае, когда она обращается к более глубинным структурам для обоснования собственно экономических процессов. Концепция философии хозяйства является эффективным инструментом в борьбе с догматизацией и мифологизацией экономических знаний уже потому, что она не скована узкими рамками какой-то одной науки, по преимуществу, опирается на реальную хозяйственную деятельность как объект исследования. «Мыслитель, – подчеркивает Ф.И.Гиренко, – это человек, который вводит ненаблюдаемые сущности для того, чтобы объяснить наблюдаемое, отвечая на вопрос: что это? И почему это, а не то?»

[18, с. 59]. Философия хозяйства как раз и прodelывает такую работу по отношению к процессу хозяйственной деятельности людей, и это понятно, так как экономическая реальность, ее законы и структура в обществе существует через деятельность людей и отношений групп людей. Поэтому экономика как объект не может быть исследована, если она не предстает перед ученым в качестве субъекта со всеми идеальными характеристиками. Одна из них – опосредованность объективного субъективным в самой хозяйственной деятельности. Следует учитывать то обстоятельство, что экономический процесс совершается при активности сознания экономических субъектов. «В процессе хозяйствования, – пишет М.А.Румянцев, – происходит идеализация реальности: рождение объективно идеальных форм мышления и сознания, действие которых сопоставимо с действием природных закономерностей...» [19, с. 61]. Следующим шагом должно быть исследование механизмов перехода метафизического в хозяйственное и хозяйственного в экономическое. Это возможно только при выявлении основных тенденций хозяйственного развития, экономической деятельности людей, в ходе которой осуществляется реализация самих целей. В самом экономическом познании, в изучении хозяйственных явлений цель не просто выражает программу экономической деятельности, но и тесно связана с самой хозяйственной реальностью.

Выводы

В исследовании хозяйства необходимо исходить из того, что целеполагание не только задает программу хозяйственной деятельности познания, но и прямо представляет собой матрицу хозяйствующего субъекта в его развитии от этапа выяснении цели до ее реализации. Здесь выясняется степень соответствия цели и результата, удостоверяется степень адекватности субъектом тенденций развития, конечных результатов хозяйственной деятельности.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. // Западно-европейская социология XIX – начала XX вв. – М.: Прогресс, 1996. С.256 – 309.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990. – 805 с.

3. Гайденок П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс 1990. С. 3 –43.
4. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. – М.: Изд-во « РАО Говорящая книга», 2010. – 744 с.
5. Малкей М. Наука и социология знания. Пер. с англ. М.: Наука, 1983. – 274 с.
6. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек-цивилизация-общество. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
7. Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники. М. Изд. дом «Гардарика», 1999. – 400 с.
8. Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. Спб.: Экономическая школа, 1996. – 158 с.
9. См. Філософія фінансової цивілізації: людина у світі грошей. – Львів: УБС НБУ, 2010. – 617 с.
10. См. Строев А.С. Становление виртуальной финансовой системы // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010, №3. – С. 57 –73.
11. Бузгалин А.В. Десять принципов социально – ориентированного развития: новый проект? // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010, №5. – С. 66 – 88.
12. См. Яковец Ю.В. Глобальный кризис науки и контуры грядущей Великой научной революции // Философия хозяйства Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010, №2. – С.159 –176.
13. Смирнов В.В. Экономическая теория в поисках выхода из кризиса // Вопросы новой экономики. № 4 (16), 2010. – С.18 –34.
14. Молчанов К.В. О негативизации экономического познания и двух посылах осмысления будущего развития мировой экономики // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010, № 5. – С. 127 – 142.
15. Гиренок Ф.И. Может ли наука хоть чем-то нас удивить? // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. 2010, №2. – С.165 – 178.
16. Горбачев А.Ю. Методология гуманитарных наук // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010, №2. – С.180 – 193.
17. Осипов Ю.М. Курс философии хозяйства: Примерная программа. – М.: МГУ, 2003. – 134 с.
18. Гиренок Ф.И. Что такое философия? // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. 2011. №2. – С. 47 – 61.
19. Румянцев М.А. Смыслы в философии хозяйства // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2011. №3. – С. 52 – 67.

С.В. Синяков, Е.Ф. Сластенко

ЕКОНОМІЧНЕ ЗНАННЯ В СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКОМУ КОНТЕКСТІ

Автори аналізують залежність пізнавальних засобів від особливостей предметного поля дослідження в економічній науці. Розкривається вплив філософії, соціології, культурології і інших наук на процес вивчення економічних явищ і процесів. Обґрунтовується дія уявлень, що змінилися, про природу економічних об'єктів на формування системи економічного знання.

Ключові слова: філософія господарства, ідеологія, універсали культури, культурна детермінація пізнання, свобода, суб'єктивність.

S. Sinyakov, E. Slastenko

ECONOMIC KNOWLEDGE IN SOCIAL-PHILOSOPHICAL CONTEXT

The authors analyze the dependence of cognitive means on peculiarities of the subject of research in economics. The influence of philosophy, sociology, culturology and other sciences on the process of the study of economic phenomena and processes is revealed. The impact of modified ideas of the nature of economic objects on formation of the system economic knowledge is proved.

Key words: philosophy of economy, ideology, universals of culture, cultural determination of cognition, freedom, subjectivity.